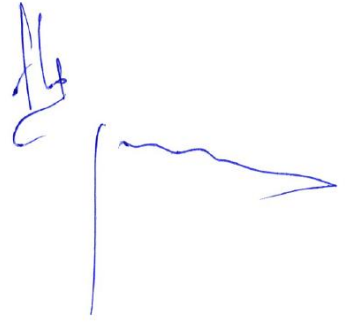

На правах рукописи

A handwritten signature in blue ink, consisting of stylized Cyrillic letters, followed by a long horizontal line that tapers to a point on the right.

Гаджиев Ибадулла Абдулаевич

**ДОКАЗЫВАНИЕ ПОДОЗРЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Краснодар – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Костенко Роман Валерьевич**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Чабукиани Оксана Алексеевна,**
доктор юридических наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский
университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
начальник кафедры уголовного права

Кондратьева Ольга Сергеевна,
кандидат юридических наук,
ЧОУ ВО «Сибирский
юридический университет»,
доцент кафедры
уголовного права и процесса

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Байкальский государственный
университет»

Защита состоится «17» декабря 2026 года в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», по адресу: 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (<https://www.kubsu.ru/>).

Автореферат разослан «__» октября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07,
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Доказывание подозрения принадлежит к числу фундаментальных и вместе с тем недостаточно разработанных проблем российского уголовного процесса. Показательно, что подозрение, ежегодно затрагивающее процессуальные права сотен тысяч лиц, до настоящего времени не получило целостной доктринальной концепции доказывания. В связи с этим актуальность настоящего исследования определяется совокупностью взаимообусловленных теоретических, законодательных и правоприменительных факторов, образующих системную проблему, не допускающую частичного решения.

Теоретическое измерение проблемы связано с отсутствием в доктрине уголовного процесса научно обоснованной концепции доказывания подозрения, которая охватывала бы его предмет, пределы, средства и способы в их системном единстве. Несмотря на многократное использование термина «подозрение» в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, его содержание, гносеологическая природа и процессуальные параметры доказывания не имеют устоявшегося научного осмысления и порождают острые доктринальные дискуссии. Существующие в науке дефиниции акцентируют различные аспекты подозрения, формируя фрагментарное представление о его природе. Соответственно, отсутствие единого доктринального подхода создаёт методологические трудности в определении места и роли доказывания подозрения в системе уголовно-процессуального познания. Здесь возникает вопрос, от которого во многом зависит вся конструкция института: как совместить эффективность уголовного преследования с надлежащей защитой личности? Ошибка в любую сторону имеет ощутимые последствия. Преждевременное либо недостаточно обоснованное подозрение может привести к существенному ограничению конституционных прав граждан; чрезмерно высокий порог его обоснования, напротив, способен затруднить своевременное раскрытие и расследование преступлений. Поэтому нужны ясные научные критерии обоснованности подозрения, учитывающие и гносеологическое содержание, и юридическую форму этого явления.

Если обратиться к законодательству, проблема становится ещё заметнее. В действующем УПК РФ регулирование доказывания подозрения не образует согласованной системы. Казалось бы, обязанность разъяснить лицу существо подозрения предполагает, что закон определяет и само понятие. Однако статьи 46, 103, 104, 105 и 106 УПК РФ такую обязанность предусматривают, а легального определения подозрения Кодекс не содержит. Получается, что правоприменитель должен разъяснить содержание категории, которую законодатель прямо не раскрыл. Это плохо согласуется с требованием правовой определённости и оставляет слишком широкое поле для усмотрения. Есть и другая трудность. Критерий обоснованности закон обозначает по-разному, причём практически в соседних нормах. Часть 2 ст. 140 УПК РФ говорит о «достаточных данных, указывающих на признаки преступления»; ст. 91 УПК РФ – о «данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления»; ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ – о «достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления». По смыслу все три формулы близки. Терминологически – нет. Особняком стоит ч. 1 ст. 97 УПК РФ: содержащиеся в ней «достаточные основания полагать» обращены в будущее, к прогнозу поведения подозреваемого

или обвиняемого, а вовсе не к тому, насколько доказана его причастность. Здесь есть нюанс, который в литературе обычно проговаривается вскользь: избрание меры пресечения само по себе уже предполагает обоснованное подозрение, то есть норма опирается на категорию, которую закон не определил. К этому добавляется ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Перечисленные в ней основания признания лица подозреваемым в единую систему процессуального закрепления подозрения не складываются – это скорее набор поводов, чем конструкция. Отсюда и вопрос, обойти который не удаётся: с какого момента и при каких условиях подозрение обретает юридически значимую форму?

Отдельного разговора заслуживает соотношение подозрения и обвинения в досудебном производстве. Российский уголовный процесс по-прежнему требует предъявлять обвинение уже в ходе предварительного следствия; эта конструкция унаследована от советской модели и с тех пор почти не пересматривалась. В состязательном судопроизводстве её необходимость перестала быть самоочевидной. Процедуру уголовного преследования она заметно утяжеляет, а рядом, в дознании, отдельного акта предъявления обвинения нет вовсе – и производство от этого не разрушается. Выходит, что объём процессуальных гарантий поставлен в зависимость от формы расследования, причём внятного объяснения такой дифференциации не находится. Показательна в этом отношении ст. 100 УПК РФ. Момент формулирования обвинения она привязывает не к завершению доказывания и сложившемуся внутреннему убеждению следователя, а к процессуальным срокам, которые сами обусловлены применением меры пресечения. По сути, срок начинает диктовать появление материального основания – логика перевернута. Зарубежный опыт заставляет вернуться к тому же сюжету. В ряде постсоветских государств предъявление обвинения упразднено, и подозрение осталось единственной формой уголовного преследования до суда. Во многих правовых системах обвинение работает как рубеж: оно отделяет расследование от судебного разбирательства, и вместе с этим переходом меняются объём гарантий и характер судебного контроля. На таком фоне отечественная модель, как представляется, нуждается в дополнительной оценке – хотя бы потому, что на практике граница между подозрением и обвинением нередко размывается до неразличимости.

Если говорить проще, практический вопрос сводится к одному: каких сведений достаточно, чтобы подозрение считалось обоснованным? Единого ответа следственная и судебная практика до сих пор не выработала, а крайности обнаруживаются противоположные. В одних случаях «достаточные данные» фактически приравниваются к полноценным уголовно-процессуальным доказательствам, и порог для признания лица подозреваемым поднимается непомерно высоко. В других происходит обратное: основанием служит информация, которой явно мало, чтобы всерьёз говорить об обоснованности подозрения. Плох каждый из подходов, причём по-своему. Оба питают правовую неопределённость, делают результаты судебного контроля менее предсказуемыми и – что здесь важнее всего – по-разному сказываются на положении лиц, вовлечённых в уголовное преследование.

Перечисленные противоречия не существуют по отдельности: каждое подпитывает остальные. Латать их поодиночке бессмысленно. Требуется комплексное исследование всего механизма доказывания подозрения – его предмета, пределов, средств и способов – с последующей разработкой теоретически обоснованных и пригодных для законодательной реализации предложений.

Степень разработанности темы исследования. Тема подозрения давно находится в поле зрения отечественной уголовно-процессуальной науки. При этом разные её стороны изучены неравномерно. К вопросам сущности и понятия подозрения обращались Д.В. Власенко, И.С. Дикарев, Р.В. Мазюк, О.С. Морозова, И.А. Пантелеев, С.Б. Россинский, В.А. Семенцов, И.В. Смолькова, Е.В. Сопнева, А.А. Тарасов.

К проблемам статуса подозреваемого, оснований и порядка его приобретения обращались М.З. Абесалашвили, У.Н. Ахмедов, А.В. Калинин, О.В. Петрова, Т.В. Петровский, О.С. Поликарпова, О.А. Чабукиани, С.Д. Шестакова.

Соотношение подозрения и обвинения в связи с реформированием досудебного производства рассматривали А.С. Александров, Б.Я. Гаврилов, М.Ю. Колбеева, А.П. Кругликов, Л.В. Черепанова. В работах Н.С. Мановой и Д.С. Устинова подробно обсуждаются спорные вопросы нормативного выражения обвинения и его связи с другими формами уголовного преследования. Основания подозрения в отдельных аспектах изучали Н.В. Григорьева, А.О. Зайцев, С.Л. Никонович, А.В. Павлов, Л.Г. Татьяна, А.В. Федулов. Вопросы оценки доказательств и пределов доказывания на разных этапах досудебного производства представлены в трудах А.А. Давлетова, Р.В. Костенко, И.В. Овсянникова, С.С. Скабелина.

Особый пласт – диссертационные работы, прямо посвящённые институту подозрения. В 2011 году Ю.В. Церковным защищена кандидатская диссертация «Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания». Автор сознательно ограничил себя одной формой предварительного расследования, и выводы получились точными, но частными: целостной концепции доказывания подозрения они не образуют. Годом позже появилась работа И.В. Петрова «Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России» – в ней обстоятельно разобраны сущность подозрения и основы процессуального статуса подозреваемого, тогда как предмет, пределы, средства и способы доказывания самостоятельной темой так и не стали. У А.В. Калинин («Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве», 2016 год) центр тяжести смещён на процессуальный порядок и гарантии личности. Гносеологические вопросы – различие вероятностного и достоверного знания, критерии достаточности данных – остались за рамками этой работы. Исследование Т.А. Николаевой 2021 года «Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование» посвящено процессуальному положению преследуемого лица и специально не рассматривает доказывание подозрения. В диссертации И.М. Абазалиева «Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве» (2022 год) изучены права, обязанности и гарантии этих участников, но не обоснование подозрения как формы вероятностного знания. Наконец, О.С. Поликарпова в кандидатской диссертации 2025 года «Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве» сосредоточилась на эволюции и совершенствовании статуса подозреваемого. Доказательственные аспекты формирования и обоснования подозрения в ней также не получили самостоятельного рассмотрения.

Таким образом, несмотря на значительный объём научных работ, посвящённых отдельным аспектам института подозрения – его понятию,

процессуальному статусу подозреваемого, соотношению с обвинением, – до настоящего времени не проводилось комплексного монографического исследования, специально посвящённого доказыванию подозрения в единстве его предмета, пределов, средств и способов. Не получили целостного доктринального осмысления гносеологические основания разграничения доказывания подозрения и доказывания обвинения, критерии достаточности данных для формирования обоснованного подозрения, а также нормативные механизмы, обеспечивающие процессуальную легитимность доказывания подозрения. Настоящая работа призвана восполнить указанный пробел.

Цель диссертационного исследования состоит в формировании научно обоснованной концепции доказывания подозрения в российском уголовном процессе, включающей определение его предмета, пределов, средств и способов, а также в разработке теоретических положений и законодательных предложений, направленных на совершенствование нормативного регулирования и правоприменительной практики в области доказывания подозрения.

Достижение поставленной цели предопределило необходимость решения следующих **задач**:

- систематизировать доктринальные подходы к определению понятия и сущности подозрения в уголовном процессе, выявить гносеологический и юридический компоненты его содержания и сформулировать авторскую дефиницию подозрения;

- выявить и проанализировать проблемы нормативного регулирования подозрения в действующем УПК РФ, включая отсутствие легального определения, терминологическую рассогласованность и неопределённость оснований признания лица подозреваемым;

- исследовать соотношение подозрения и обвинения в досудебном производстве с учётом сравнительно-правового анализа зарубежных моделей уголовного преследования и обосновать концептуальную модель их разграничения;

- раскрыть содержание и структуру предмета доказывания подозрения, определив совокупность обстоятельств, подлежащих установлению для признания подозрения обоснованным;

- установить пределы доказывания подозрения, обосновать эпистемологические критерии достаточности данных для формирования подозрения и их отличие от пределов доказывания обвинения;

- исследовать средства доказывания подозрения, определив соотношение категорий «доказательства» и «достаточные данные» применительно к обоснованию подозрения;

- проанализировать способы доказывания подозрения, включая процессуальные и непроцессуальные формы познавательной деятельности, и определить роль и процессуальное значение результатов оперативно-розыскной деятельности в механизме доказывания подозрения;

- на основе полученных результатов разработать научно обоснованные предложения по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на устранение выявленных нормативных пробелов и противоречий в регулировании доказывания подозрения.

Объектом исследования выступает уголовно-процессуальная деятельность по доказыванию подозрения, а также уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с формированием, обоснованием и

проверкой подозрения в причастности лица к совершению преступления в ходе досудебного производства.

Предметом исследования являются нормы российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие институт подозрения и порядок его доказывания; соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных государств англосаксонской и континентальной правовых семей, а также постсоветских государств; правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; доктринальные концепции сущности подозрения, предмета, пределов, средств и способов его доказывания; материалы следственной и судебной практики; эмпирические данные, полученные в результате анкетирования.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический метод познания, позволивший рассмотреть доказывание подозрения как динамическое правовое явление, развивающееся в единстве его гносеологического и юридического компонентов, во взаимосвязи и взаимообусловленности с иными институтами уголовно-процессуального права. Диалектический подход позволил проследить переход от первоначального вероятностного предположения к обоснованному процессуальному решению. На этом же основании исследовано противоречие, которое проходит через весь институт: эффективность уголовного преследования, с одной стороны, и защита прав личности – с другой.

Задачи в таком составе одним методом не решаются – понадобилось сочетание общенаучных и частнонаучных методов.

К анализу и синтезу пришлось обратиться там, где доктринальные подходы к сущности подозрения нуждались в упорядочении. Разрозненные суждения удалось свести к трём направлениям – процессуально-формальному, гносеологическому и интегративному, – а уже на этой основе сформулировать авторское определение, в котором познавательная природа подозрения соединена с его процессуально-правовой формой.

Системно-структурный метод был нужен для другого – увидеть связи между предметом, пределами, средствами и способами доказывания подозрения. Порознь каждый из этих элементов изучался и раньше; вместе, как части одного механизма, – практически нет.

Индукция и дедукция работали навстречу друг другу: от общих положений теории доказывания – к особенностям подозрения и в обратном направлении, от конкретных норм и правоприменительных ситуаций – к обобщениям.

Формально-юридический (догматический) метод применялся при толковании и систематизации норм, регулирующих институт подозрения. Именно он и обнажил разноречивость формулировок УПК РФ о пределах доказывания подозрения, а заодно показал, что унификация здесь – вопрос правовой определённости.

Историко-правовой метод дал возможность проследить путь института от римского *suspicio* до нынешних процессуальных форм. В этом же контексте исследованы становление советской модели соотношения подозрения и обвинения и её последующее восприятие действующим УПК РФ.

Сравнительно-правовой анализ охватил модели доказывания подозрения и стандарты его обоснования в англосаксонских, континентальных и постсоветских правовых системах. Сопоставление позволило

увидеть устойчивые тенденции и определить возможные направления реформирования российского уголовно-процессуального законодательства.

Эпистемологический анализ потребовался для раскрытия природы подозрения как вероятностного знания. С его помощью разграничены вероятное и достоверное знание в уголовно-процессуальном познании и определены критерии достаточности данных для обоснованного подозрения. Здесь есть принципиальный момент: доказывание подозрения отличается от доказывания обвинения прежде всего стандартом знания, лежащим в основе процессуального решения. Поэтому одного нормативного анализа для решения поставленной проблемы недостаточно.

Метод правового моделирования использован при подготовке проекта федерального закона о внесении изменений в УПК РФ, устраняющих выявленные пробелы и противоречия.

Основой конкретно-социологического анализа стало анкетирование следователей и дознавателей по ключевым вопросам доказывания подозрения. Статистический метод применён при обработке и интерпретации полученных данных.

Такое сочетание методов позволило соотнести теоретические выводы с нормативным материалом и эмпирическими данными. За счёт этого выводы получили доктринальное обоснование и практическую проверку.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды в нескольких взаимосвязанных предметных направлениях. Общетеоретическую базу в области уголовно-процессуального доказывания образуют работы Р.В. Костенко, В.А. Лазаревой, В.А. Семенцова, А.В. Смирнова. Проблемы пределов доказывания и соотношения категорий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» изучались на основе работ Е.В. Брянской, С.С. Скабелина. Доктринальные подходы к сущности, понятию и процессуальному значению подозрения исследовались на основе изучения трудов Д.В. Власенко, И.С. Дикарева, А.В. Калинкина, О.С. Морозовой, И.А. Пантелеева, И.В. Петрова, О.С. Поликарповой, И.В. Смольковой, Е.В. Сопневой, Ю.В. Церковного; в части процессуальных оснований задержания и задержания подозреваемого – на основе работ С.Б. Россинского. Процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве анализировался путём изучения работ И.М. Абазалиева, М.З. Абесалашвили, Т.А. Николаевой, Л.Г. Татьяниной. Проблематика соотношения подозрения и обвинения, реформирования института предъявления обвинения и преобразования досудебного производства изучалась на основе трудов А.С. Александрова, Б.Я. Гаврилова, А.П. Кругликова, Н.С. Мановой, О.А. Чабукиани, Л.В. Черепановой, С.Д. Шестаковой. При исследовании эпистемологических аспектов доказывания подозрения – разграничении вероятностного и достоверного знания, обосновании дифференцированных стандартов доказывания – наряду с отечественными источниками привлекались зарубежные работы: Т. Mariniello, D. Giannouloupoulos, J. Rozenbergs и других.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют: Конституция Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года – в части сравнительно-исторического анализа советской модели соотношения подозрения и

обвинения, воспринятой действующим законодательством; постановления Конституционного Суда Российской Федерации; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В целях сравнительно-правового анализа исследовалось уголовно-процессуальное законодательство Федеративной Республики Германия (*Strafprozessordnung*), Французской Республики (*Code de procédure pénale*), Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Украины и Республики Грузия. Правовые стандарты обоснованного подозрения в государствах общего права – Великобритании и Соединённых Штатах Америки – анализировались на основе доктринальных источников и прецедентной практики. При этом учитывалось различие двух самостоятельных стандартов: решение Верховного суда США по делу «*Terry v. Ohio*» (1968) раскрывает *reasonable suspicion* как основание кратковременной остановки и поверхностной проверки, тогда как решение по делу «*Illinois v. Gates*» (1983) относится к *probable cause* и утверждает оценку по совокупности обстоятельств (*totality of the circumstances*) взамен двухзвенного теста Aguilar-Spinelli.

Эмпирическую базу диссертационного исследования образуют три взаимодополняющих компонента. Первый компонент – результаты авторского анкетирования 223 практических работников органов предварительного расследования: 79 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 74 следователей органов внутренних дел Российской Федерации и 70 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации из 13 субъектов Российской Федерации (Республик Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня; Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей; Краснодарского и Ставропольского краёв). Анкета-интервью включала восемь вопросов, охватывающих ключевые проблемы исследования. Полученные результаты непосредственно верифицируют теоретические положения диссертации. Второй компонент – результаты изучения 214 уголовных дел (их материалов), рассмотренных судами Южного федерального округа и Северо-Кавказского федерального округа в период с 2022 по 2025 год. Предметом изучения являлись процессуальные документы, отражающие возникновение и реализацию статуса подозреваемого, а также итоговые судебные решения. Географическая база охватывает 14 субъектов Российской Федерации в составе двух федеральных округов: ЮФО (Краснодарский край; Ростовская, Волгоградская, Астраханская области; Республики Адыгея, Калмыкия, Крым) и СКФО (Ставропольский край; Республики Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня, Ингушетия). Изучение дел проводилось по специально разработанной карточке с использованием восьми критериев классификации. Полученные данные содержат прямые практические свидетельства системных дефектов, выявленных в диссертационном исследовании. Третий компонент – судебно-практические материалы: опубликованная практика Верховного Суда РФ, включая Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ; кассационные и апелляционные постановления и определения судов общей юрисдикции различных уровней по вопросам обоснованности подозрения, законности задержания, применения мер пресечения и проверки законности процессуальных решений, принятых на основании подозрения; обзоры судебной практики по указанной проблематике.

Научная новизна диссертации определяется тем, что она представляет собой одно из первых в отечественной уголовно-процессуальной науке комплексное монографическое исследование, специально посвящённое доказыванию подозрения в российском уголовном процессе. В диссертации впервые:

- сформирована целостная концепция доказывания подозрения, охватывающая его предмет, пределы, средства и способы в их системном единстве;
- на доктринальном уровне осуществлено последовательное разграничение доказывания подозрения и доказывания обвинения на основании эпистемологических критериев – различия между вероятностным и достоверным знанием в структуре уголовно-процессуального познания;
- разработана авторская дефиниция подозрения, интегрирующая гносеологический и юридический компоненты его сущности;
- выявлены, систематизированы и представлены в единой классификации нормативные пробелы и противоречия в регулировании института подозрения в действующем УПК РФ;
- разработана концептуальная модель реформирования досудебного производства и согласованный комплекс законодательных предложений, охватывающий понятие подозрения, гарантии подозреваемого, основания признания лица подозреваемым и обвиняемым, а также момент формулирования обвинения.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Сформулирована двухкомпонентная концепция сущности подозрения в уголовном процессе. Гносеологический компонент – вероятностное суждение о причастности лица к преступлению; юридический – процессуально-правовая форма существования подозрения с её требованиями законности, подконтрольности, предварительной квалификации деяния и обеспечения прав подозреваемого. Ценность такого разграничения не только в аналитической ясности. Пока каждый из сложившихся подходов улавливал лишь одну сторону явления, целостной картины не складывалось; соединение обоих компонентов в одной конструкции даёт единое методологическое основание для системного исследования механизма доказывания подозрения.

2. Предложено авторское определение: подозрение есть основанное на достаточных данных предварительное предположение управомоченного субъекта уголовного преследования о возможной причастности конкретного лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом, выраженное в предусмотренной законом процессуальной форме и подлежащее проверке в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Отсюда и предложение дополнить ст. 5 УПК РФ легальной дефиницией подозрения как предположения о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом. Ключевое слово в этой конструкции – «причастность». Именно оно выполняет системообразующую функцию, связывая общие сведения о преступлении с подозрением, уже обращённым к конкретному лицу.

3. Предлагается дополнить п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ указанием на защиту личности от незаконного и необоснованного подозрения. Основанием служит нормативная асимметрия, которая обнаруживается при первом же сопоставлении норм. Подозрение влечёт задержание, применение меры пресечения, производство следственных действий, ограничивающих

конституционные права, – а среди интересов, охраняемых назначением уголовного судопроизводства, не названо. Обвинение названо, подозрение – нет, хотя по правоограничительным последствиям они вполне сопоставимы.

4. Соотношение подозрения и обвинения предлагается выстраивать на последовательном разграничении этих форм. Пока идёт предварительное расследование, единственной формой уголовного преследования остаётся подозрение. Обвинение появляется только на выходе – в итоговом процессуальном документе. Доказано, что действующая редакция ст. 100 УПК РФ содержит методологическую ошибку, при которой процессуальные сроки применения мер пресечения определяют момент возникновения материальных оснований обвинения вместо того, чтобы самим определяться ими. На этом основании предложено признать утратившими силу ст. 171-175 УПК РФ, изложить ч. 1 ст. 47 УПК РФ в новой редакции с единственным основанием признания лица обвиняемым и согласовать с предлагаемой моделью ст. 100 и ч. 3 ст. 224 УПК РФ.

5. Предлагается авторская конструкция предмета доказывания подозрения как совокупности четырёх групп обстоятельств: связанных с событием преступления; указывающих на причастность конкретного лица к преступлению; характеризующих личность подозреваемого; определяющих характер и размер причинённого вреда. Установлено, что обстоятельства причастности, составляющие центральный элемент данного предмета, принципиально отличаются от обстоятельств виновности – центрального элемента предмета доказывания обвинения. Группа обстоятельств причастности включает минимально необходимые для предварительной квалификации сведения о форме вины, а мотив и цель – при наличии у них юридического значения для оценки роли лица; окончательный вывод о виновности на данном этапе не формулируется. Выявлена концептуальная ошибка п. 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ, необоснованно исключающего из предмета доказывания подозрения обстоятельства субъективной стороны преступления.

6. Определяются пределы доказывания подозрения как вероятностный эпистемологический стандарт, качественно отличный от достоверного стандарта, требуемого для доказывания обвинения. При этом установлена терминологическая рассогласованность формул, обозначающих обоснованность подозрения (ч. 2 ст. 140, ст. 91, ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ), и обосновано, что «достаточные основания полагать» в ч. 1 ст. 97 УПК РФ относятся к прогностической оценке рисков поведения и самостоятельным стандартом доказанности причастности не выступают. Предложено введение в ст. 5 УПК РФ единого понятия «обоснованные предположения для подозрения», унифицирующего общий критерий обоснованности подозрения без устранения специальных условий отдельных процессуальных решений.

7. Обосновывается, что средствами доказывания подозрения выступают достаточные данные – самостоятельная и более широкая по объёму категория, охватывающая в том числе сведения, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, но к ним не сводимая. Методологически некорректным признано обратное: требование доказательств как обязательного и единственного средства обоснования подозрения, поскольку оно распространяет эпистемологический стандарт доказывания обвинения на качественно иную форму уголовного преследования. Вывод этот получен не умозрительно: он вытекает из системного толкования ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 140, ст. 91, 97, 223.1 УПК РФ.

8. Предлагается закрепить в УПК РФ институт негласных следственных действий – как процессуально урегулированный способ доказывания подозрения. Такой шаг снимает противоречие между познавательными потребностями досудебного производства и действующей моделью использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Сравнение правопорядков склоняет к инкорпорационной постсоветской модели: она выглядит предпочтительнее интегративной англо-американской.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что предложенные в работе конструкции и выводы развивают положения науки уголовно-процессуального права по нескольким направлениям.

Начать стоит с двухкомпонентной концепции: подозрение раскрывается в ней через взаимосвязь гносеологического и юридического начал. Разрозненность доктринальных подходов при таком угле зрения перестаёт быть препятствием, и институт можно исследовать последовательно, а не по частям. На той же основе выстроено авторское определение подозрения, соединившее его познавательную природу с процессуально-правовой формой; прежним научным дефинициям как раз этого соединения и недоставало.

Ещё одно приращение относится к общей теории доказывания. Предмет доказывания подозрения рассмотрен самостоятельно – и с предметом доказывания обвинения, закреплённым в ст. 73 УПК РФ, он, как выяснилось, не совпадает. В центре первого стоят обстоятельства причастности, в центре второго – обстоятельства виновности. Различие здесь не терминологическое: именно оно объясняет, почему формы уголовного преследования на досудебном производстве качественно не равны друг другу.

Концепция пределов доказывания подозрения, построенная на эпистемологическом разграничении вероятностного и достоверного знания, развивает учение о стандартах доказывания применительно к различным этапам уголовно-процессуального познания. Обоснование достаточных данных как самостоятельной и более широкой по объёму категории средств доказывания подозрения дополняет теорию доказательств положением о дифференциации средств доказывания в зависимости от эпистемологического стандарта принимаемого уголовно-процессуального решения.

Выводы о соотношении подозрения и обвинения, основанные на анализе модальных характеристик данных форм уголовного преследования и верифицированные сравнительно-правовым исследованием зарубежных правопорядков, обогащают теорию уголовного преследования и могут послужить доктринальной основой для концептуального реформирования отечественного досудебного производства. Разграничение процессуальных и непроцессуальных способов доказывания подозрения, а также вывод о необходимости включить негласные следственные действия в УПК РФ уточняют научные представления о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Есть и методологический результат. Эпистемологический анализ позволил рассмотреть уголовно-процессуальные решения, принимаемые при неполном знании, с позиции различия вероятностного и достоверного выводов. Для проблематики, которая десятилетиями осваивалась почти исключительно нормативно-догматическими средствами, такой ракурс открывает дополнительные аналитические возможности.

Полученные выводы пригодны для дальнейшей работы – по теории доказывания и уголовного преследования, по процессуальному статусу участников досудебного производства, по сравнительному уголовно-процессуальному праву.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что выводы и предложения работы адресованы вполне конкретным затруднениям – нормативным и правоприменительным, – с которыми доказывание подозрения сталкивается изо дня в день.

Для законотворчества главный результат – подготовленный проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Он составлен в виде готового законодательного текста и может быть использован при подготовке инициатив, направленных на совершенствование досудебного производства.

Следователю и дознавателю работа предлагает критерии обоснованности подозрения в развёрнутом виде: перечень обстоятельств, образующих предмет доказывания подозрения; разграничение достаточных данных и уголовно-процессуальных доказательств как средств доказывания соответственно подозрения и обвинения; характеристику процессуальных и непроцессуальных способов такого доказывания. Четыре типовые ситуации – возбуждение уголовного дела, задержание, избрание меры пресечения, составление уведомления о подозрении – при опоре на эти критерии обосновываются единообразнее, чем сейчас.

Суду результаты исследования нужны прежде всего там, где проверяются законность и обоснованность мер уголовно-процессуального принуждения. Ходатайства о заключении под стражу – случай наиболее очевидный: без вывода об обоснованности подозрения такое решение попросту не может состояться.

В научной и образовательной работе материалы диссертации ложатся в курсы «Уголовный процесс» и «Доказательства и доказывание в уголовном процессе». Годятся они и для учебных и методических пособий, и для программ повышения квалификации следователей и дознавателей.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается тремя группами факторов, которые дополняют друг друга: методологией, источниковой базой и способами проверки полученных выводов.

Методологическая сторона держится на том, что методы подобраны под предмет, цель и задачи исследования, а не набраны для полноты перечня. Системно-структурный метод удержал концепцию доказывания подозрения как целое; формально-юридический отвечал за точность толкования нормативного материала; сравнительно-правовой позволил проверить авторские положения на материале восьми зарубежных правовых порядков; конкретно-социологический и статистический – обработать и истолковать эмпирические данные.

Источниковая база – 229 наименований: монографии, диссертационные исследования, научные статьи отечественных и зарубежных авторов, нормативные правовые акты, акты судебного толкования, материалы правоприменительной практики. Доктринальный охват при таком составе достаточен для выводов, на которые работа претендует.

Эмпирическая база репрезентативна благодаря своей трёхчастной структуре – и параметрам каждой из частей в отдельности.

Проверка теоретических выводов шла на трёх уровнях. Доктринальный: авторские концепции сопоставлялись с существующими научными подходами, причём фиксировались и точки расхождения, и то, чем каждое расхождение обосновано. Нормативный: сверка проведена по действующему уголовно-процессуальному законодательству и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Эмпирический: ключевые выводы сопоставлены с двумя независимыми массивами данных – результатами анкетирования и материалами изученных уголовных дел. Отдельно следует отметить одно совпадение. Законодательные предложения работы совпали с направлениями реформирования уголовно-процессуального законодательства, которые обнаружились при сравнительно-правовом анализе; схождение независимых линий рассуждения – дополнительный аргумент в пользу их обоснованности.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета. Результаты исследования докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Исследование и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере» (Санкт-Петербург, 2023 г.); «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности» (Краснодар, 2024 г.); «Современные научные подходы в фундаментальных и прикладных исследованиях» (Санкт-Петербург, 2024 г.). По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, из которых 7 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Результаты исследования внедрены в практическую деятельность правоохранительных органов и в учебный процесс образовательной организации, что подтверждается соответствующими актами о внедрении.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографического списка использованных источников и четырёх приложений. Четыре приложения содержат проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», анкету-интервью, обобщённые результаты анкетирования и результаты изучения уголовных дел (материалов уголовных дел).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, охарактеризована степень её научной разработанности, поставлены цель и задачи, определены объект и предмет, методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы исследования, раскрыты научная новизна, изложены положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, подтверждена достоверность результатов исследования, приведены сведения об апробации результатов и описана структура работы.

Первая глава «Подозрение в современном российском уголовном процессе: сущность, понятие, проблемы нормативного регулирования,

соотношение с обвинением» объединяет три параграфа и образует теоретико-нормативный фундамент исследования.

Первый параграф «Доктринальные подходы к определению сущности и понятия подозрения» открывается этимологическим и историко-правовым экскурсом. Латинский глагол *susplicere*, сложенный из *sub* и *specere*, буквально означает «пристально рассматривать»; уже сама внутренняя форма слова указывает на познавательную, а не карательную природу явления. Прослеженная в работе эволюция института подтверждает это: римская *suspicio* служила магистрату практической предпосылкой для начала преследования, средневековый инквизиционный процесс деформировал её до основания для принуждения при наличии доноса или слуха, эпоха Просвещения вернула подозрению значение начального и проверяемого уровня познания, а кодификации XIX-XX веков закрепили за ним систему процессуальных гарантий. Движение института отражает общий переход от инквизиционной модели к состязательной.

Систематизация научных позиций позволила выделить три доктринальных направления и оценить границы каждого. Процессуально-формальное направление (И.А. Пантелеев, Ю.В. Церковный, Е.В. Сопнева) фиксирует формализованность подозрения, но оставляет вне анализа его познавательную природу, из-за чего подозрение рискует оказаться безупречным по форме и пустым по содержанию. Гносеологическое направление (Д.В. Власенко, А.А. Давлетов, Л.Г. Татьяна) трактует подозрение как гипотезу или вероятностный вывод о причастности; уязвимость этого подхода в том, что гипотеза в строгом смысле может быть выдвинута и без опоры на эмпирический материал, тогда как подозрение такой опоры требует безусловно. Интегративное направление (И.В. Петров, И.С. Дикарев, О.С. Морозова) стремится соединить оба аспекта, однако критериев их соотношения не предлагает.

Преодолению этой фрагментарности служит развиваемая в работе концепция двухкомпонентной сущности подозрения. Гносеологический компонент фиксирует вероятностную природу подозрения как предположения о причастности, отличающегося от обвинения не количеством сведений, а эпистемологическим стандартом познания. Юридический компонент отвечает за процессуально-правовую форму, обеспечивающую законность, обоснованность и подконтрольность подозрения. Компоненты неразделимы: содержательно обоснованное, но процессуально не оформленное подозрение не порождает правовых последствий, а безупречно оформленное, но произвольное по содержанию – превращает процессуальную форму в оболочку. Отсюда доктринальная дефиниция: подозрение есть основанное на достаточных данных предварительное предположение уполномоченного субъекта уголовного преследования о связи конкретного лица с преступлением, выраженное в предусмотренной законом процессуальной форме и подлежащее последующей проверке.

Здесь же обоснована необходимость дополнить п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ указанием на защиту личности от незаконного и необоснованного подозрения. Действующая редакция охраняет лицо от необоснованного обвинения, но не от необоснованного подозрения, – при том что подозрение влечёт задержание, применение мер пресечения, производство следственных действий, ограничивающих конституционные права, и репутационные издержки. Поскольку доказательственная база подозрения объективно слабее, риск ошибки на этом этапе выше, а значит, нормативного внимания требуется не меньше, а больше.

Второй параграф «Проблемы нормативного регулирования подозрения» посвящён системным дефектам действующего УПК РФ, выявленным формально-юридическим методом. Центральный из них – отсутствие легальной дефиниции: термин «подозрение» используется в Кодексе не менее семнадцати раз, причём ст. 46, 103-106 УПК РФ обязывают разъяснять его существо. Правоприменитель поставлен в положение, при котором он должен раскрыть содержание категории, законом не определённой. Острота проблемы подтверждена эмпирически: 43,5% опрошенных следователей и дознавателей указали, что сталкиваются из-за этого с затруднениями в работе.

Структурно подозрение образовано двумя элементами: сведениями о возможном совершении деяния, запрещённого уголовным законом, и данными о вероятной причастности к нему конкретного лица. Порознь они подозрения не образуют – информация о преступлении без указания на лицо оставляет расследование производством по факту, а данные о лице вне связи с преступным событием не могут служить основанием преследования. Динамику подозрения раскрывает категория потенциала: в нём заложены два равновозможных исхода – превращение в обвинение либо опровержение при установлении непричастности. Признание этой альтернативности есть не что иное, как действие презумпции невиновности на досудебном производстве; отказ от неё означал бы, что вопрос о виновности предрешён до окончания расследования.

Ключевой для определения подозрения признана категория «причастность». Законодатель раскрывает её через отрицание (п. 20 ст. 5 УПК РФ), замыкая одно понятие на другое и не давая позитивного содержания. Применительно к подозрению корректно говорить о *возможной* причастности, и здесь продуктивен аппарат модальной логики: подозрение формулируется в модальности возможности («лицо могло совершить преступление»), обвинение – в модальности действительности («лицо совершило преступление»). Переход между модальностями требует не прироста сведений, а качественного изменения доказательственной базы. На этом основании предложено дополнить ст. 5 УПК РФ легальной дефиницией подозрения как предположения о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом; предложение поддержали 66,4% респондентов.

Анализ ч. 1 ст. 46 УПК РФ обнаруживает смешение материального основания процессуального статуса с формами его оформления. Пункты 1-3 связывают появление подозреваемого с совершением процессуальных действий, тогда как по принципу *causa efficiens* причина предшествует следствию: подозрение порождает статус, а не наоборот. Возбуждение уголовного дела, задержание, избрание меры пресечения – процессуальные следствия подозрения, но не его содержание. Последовательно приоритет материального основания реализует только п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Отдельного внимания заслуживает асимметрия в регулировании права на информацию. Пункт 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ закрепляет за подозреваемым право знать, в чём он подозревается, но не обязывает разъяснять ему сущность подозрения. Между тем такая обязанность прямо установлена в отношении поручителя, командования воинской части, родителей и иных лиц, принимающих под присмотр несовершеннолетнего, залогодателя. Правовая информация подлежит разъяснению всем, кроме того, чьи интересы затронуты непосредственно. По итогам параграфа сформулированы предложения об изложении пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ в редакции, ставящей во главу угла наличие обоснованного подозрения, о

дополнении п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ обязанностью разъяснения сущности подозрения и о дополнении ч. 1 ст. 92 УПК РФ требованием устного объявления задержанному, по подозрению в совершении какого преступления он задержан.

Третий параграф «Соотношение подозрения с обвинением в уголовном процессе» строится вокруг противоречия между заявленным переходом к состязательной модели и сохранением предъявления обвинения в ходе предварительного следствия. Историко-правовой анализ показывает, что конструкция восходит к УПК РСФСР 1960 года, где привлечение в качестве обвиняемого было единственным и безальтернативным способом появления обвиняемого. При принятии УПК РФ 2001 года институт был воспроизведён почти без изменений и концептуального обоснования не получил. Дополнительную непоследовательность создаёт ч. 3 ст. 224 УПК РФ: при дознании обвинение предъявляется лишь как исключение, и подозреваемый получает весь объём гарантий без смены статуса. Тем самым законодатель сам признал, что процедура предъявления обвинения для обеспечения прав лица не обязательна, – но сохранил её для предварительного следствия.

Гносеологически подозрение и обвинение различаются уровнем требуемой обоснованности: первое опирается на вероятное знание и стандарт разумных оснований, второе – на достоверное знание и внутреннее убеждение, сформированное совокупностью достаточных доказательств. Действующее регулирование это различие не удерживает. Статья 100 УПК РФ привязывает момент формулирования обвинения к срокам применения мер пресечения, воспроизводя ту же методологическую ошибку, что и ч. 1 ст. 46: процессуальные сроки начинают определять момент возникновения материальных оснований вместо того, чтобы определяться ими. Возможность многократного изменения обвинения довершает картину, придавая обвинению черты промежуточного предположения.

Не менее существенно различие в механизмах верификации. Подозрение выдвигает и проверяет один и тот же субъект – следователь или дознаватель. Это создаёт почву для когнитивных искажений: эффекта подтверждения, при котором предпочтение отдаётся сведениям, согласующимся с исходной версией, и эффекта приверженности принятому решению, усиливаемого организационно, поскольку отказ от обвинения нередко воспринимается как признание ошибки. Обвинение, напротив, должно проходить многоуровневую независимую проверку – прокурорскую при утверждении итогового документа, судебную при подготовке к заседанию и окончательную судебную в условиях состязательности. Когда обвинение формулируется в ходе расследования и до его окончания независимой проверке не подвергается, логика последовательных фильтров нарушается, а само понятие обвинения обесценивается.

Сравнительно-правовой материал обнаруживает устойчивую тенденцию использовать обвинение как рубеж между досудебным и судебным производством. Германский процесс различает *Verdächtiger*, *Beschuldigter*, *Angeschuldigter* и *Angeklagter*, причём переход между статусами происходит автоматически при наступлении процессуальных условий и формального предъявления обвинения в российском понимании не знает. Французская модель проводит лицо от *garde à vue* через *mis en examen* к статусу *accusé* или *prévenu*, а окончательное обвинение формулирует судебная инстанция. В Великобритании решение о *charge* принимается при достижении стандарта «реалистичной перспективы осуждения». УПК Республики Казахстан и УПК Украины

отказались от предъявления обвинения в ходе расследования, признав обвиняемым лицо, в отношении которого итоговый акт направлен в суд.

На этом основании предложена концептуальная реформа: подозрение охватывает весь период досудебного производства и обеспечивает лицу полный объём процессуальных прав независимо от формы расследования, обвинение формулируется только по его завершении. Реализация требует признания утратившими силу ст. 171-175 УПК РФ (глава 23), изложения ч. 1 ст. 47 УПК РФ в редакции с единственным основанием признания лица обвиняемым, а также согласования с новой моделью ст. 100 и ч. 3 ст. 224 УПК РФ, утрачивающих при упразднении главы 23 свой предмет регулирования.

Вторая глава «Предмет и пределы доказывания подозрения в уголовном процессе» включает два параграфа и раскрывает содержательную и количественно-качественную стороны познавательной деятельности при обосновании подозрения.

Первый параграф «Предмет доказывания подозрения в уголовном процессе» начинается с критики доминирующей традиции, рассматривающей предмет доказывания исключительно в связи с обвинением и сводящей его к перечню ст. 73 УПК РФ. Такой взгляд сужает понимание познавательной деятельности и упускает начальный этап преследования, на котором задача иная: установить минимальный, но достаточный объём обстоятельств для того, чтобы преследование вообще стало возможным. Практика подтверждает обоснованность разграничения – 87% опрошенных работников признают принципиальную разницу между предметом доказывания подозрения и предметом доказывания обвинения.

Предмет доказывания подозрения образуют четыре группы обстоятельств. Первую составляют обстоятельства события преступления – время, место, способ и иные обстоятельства его совершения. Вторая, системообразующая, охватывает обстоятельства причастности конкретного лица; именно она отличает предмет доказывания подозрения от предмета доказывания обвинения, поскольку установлению на этом этапе подлежит не виновность, а возможная причастность. В эту же группу входят минимально необходимые для предварительной квалификации сведения о форме вины, а мотив и цель – постольку, поскольку имеют юридическое значение для оценки роли лица; окончательный вывод о виновности здесь не делается и сделан быть не может. Третью группу составляют данные о личности подозреваемого, определяющие выбор мер принуждения, четвёртую – характер и размер причинённого вреда. Перечень не является жёстко фиксированным: его наполнение зависит от особенностей расследуемого деяния. Комплексный подход к предмету доказывания подозрения поддержали 77,58% респондентов.

Нормативный анализ обнаруживает разрыв между основаниями признания лица подозреваемым и требованиями к содержанию процессуальных документов. Часть 2 ст. 146 УПК РФ не обязывает излагать существо подозрения в постановлении о возбуждении уголовного дела, хотя по замыслу законодателя именно это решение фиксирует его возникновение. Судебная практика отвечает на возникшую неопределённость по-разному: одни суды исходят из того, что на данной стадии установление конкретного состава преступления не предполагается, тогда как другие суды признавали законным постановление именно потому, что в нём приведены конкретные действия лица, время и обстоятельства их совершения.

Самостоятельный дефект содержит п. 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ, ограничивающий содержание уведомления о подозрении обстоятельствами объективной стороны и оставляющий за скобками субъективную сторону. При расследовании многосубъектных и сложных преступлений такое ограничение способно привести к преждевременному выводу о причастности, поскольку без установления умысла и роли лица его связь с деянием остаётся неопределённой. Принципиальным для всей конструкции является разграничение причастности и виновности: первая фиксирует возможное участие лица в преступлении, вторая представляет собой окончательный юридический вывод об ответственности. Сравнительно-правовым ориентиром служит глава 25 УПК Республики Казахстан, предусматривающая многоступенчатую процедуру признания лица подозреваемым с согласованием квалификации деяния прокурором.

Второй параграф «Пределы доказывания подозрения в уголовном процессе» отвечает не на вопрос, что доказывается, а на вопрос, насколько это должно быть доказано. Гносеологический анализ разводит два уровня познания. Вероятное знание, лежащее в основе подозрения, опирается на эмпирические источники и сохраняет элемент неопределённости; задача субъекта доказывания состоит не в накоплении максимума сведений, а в достижении их критической массы. Достоверное знание, необходимое для обвинения, предполагает исчерпывающую проверку и устранение разумных сомнений. Пределы доказывания подозрения образуют нижнюю границу этого диапазона – порог, который не может быть произвольно низким, иначе лицо будет вовлекаться в преследование без оснований, но и не должен подниматься до уровня требований к обвинению, иначе своевременное реагирование на признаки преступления окажется парализованным.

Терминологический аппарат Кодекса этой задаче не отвечает. Обоснованность подозрения обозначена тремя разными формулами: «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), «данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» (ст. 91 УПК РФ), «достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). К ним примыкает требование обоснованного подозрения, сформулированное в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Различие между приведёнными формулами не носит сущностного характера и свидетельствует о непоследовательности регулирования: первая акцентирует объективную сторону деяния, вторая и третья – субъектный аспект и причастность конкретного лица. От этого ряда следует отличать «достаточные основания полагать» в ч. 1 ст. 97 УПК РФ: данная норма описывает прогностические риски поведения подозреваемого или обвиняемого и самостоятельным стандартом доказанности причастности не является, хотя её применение и предполагает предварительно сформированное обоснованное подозрение.

Зарубежный опыт демонстрирует возможность нормативной формализации искомого стандарта. Пункт 11 ст. 2 УПК Республики Грузия закрепляет «обоснованное предположение» – совокупность информации, достаточной для вывода о возможном совершении преступления лицом. Англо-американская доктрина разводит два стандарта: *reasonable suspicion*, раскрытый Верховным судом США в деле «*Terry v. Ohio*» (1968) применительно к кратковременной остановке и поверхностной проверке, и

более высокий *probable cause*, применённый в деле «*Illinois v. Gates*» (1983), где ригидный двухзвенный тест был заменён оценкой по совокупности обстоятельств. УПК ФРГ оперирует понятием *Anfangsverdacht* – «первоначального подозрения», которое обозначает необходимость исходных фактических данных, но конкретного стандарта не задаёт.

С учётом изложенного предложено ввести в ст. 5 УПК РФ единое понятие «обоснованные предположения для подозрения», понимаемое как достаточное количество фактических данных, которые при объективной и разумной оценке убеждают в вероятности совершения преступления конкретным лицом. Унификация касается общего критерия обоснованности подозрения и не отменяет специальных условий, установленных для каждого процессуального решения.

Завершает параграф оценка перспектив применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) при определении достаточности данных. Потенциал очевиден: обработка больших массивов информации, выявление неявных корреляций, вероятностное взвешивание сведений. Не менее очевидны и ограничения – алгоритмическая предвзятость, непрозрачность выводов, неопределённость в распределении ответственности за ошибку, зависимость результата от качества обучающих данных. Правоприменители относятся к идее сдержанно: 72,20% опрошенных применение таких технологий в уголовном процессе в настоящее время не поддерживают. Обоснована гибридная модель, в которой ИИ выполняет вспомогательную функцию предварительного анализа, а решение о наличии обоснованного подозрения принимает следователь или дознаватель по внутреннему убеждению. Такая модель сохраняет личную ответственность субъекта доказывания и требует специальной нормативной базы.

Третья глава «Средства и способы доказывания подозрения в уголовном процессе» включает два параграфа и обращена к инструментальному и процедурному измерению доказывания.

Первый параграф «Средства доказывания подозрения в уголовном процессе» систематизирует три доктринальные позиции, различающиеся пониманием соотношения доказательств и достаточных данных. Первая (Л.Г. Татьяна, Ю.В. Церковный, А.О. Зайцев, И.М. Абазалиев, Л.Д. Калинкина, И.В. Смолькова) отождествляет средства доказывания подозрения с уголовно-процессуальными доказательствами. Её методологический изъян в том, что требования, предъявляемые к доказыванию обвинения, переносятся на качественно иной этап преследования: граница между подозрением и обвинением размывается, вероятностная природа подозрения игнорируется, оперативное реагирование на признаки преступной деятельности затрудняется, а само подозрение утрачивает самостоятельное значение. Вторая, промежуточная позиция (Д.В. Власенко, А.А. Давлетов, Н.С. Манова, А.В. Калинин, В.А. Семенцов) допускает и доказательства, и иные сведения, но объединяет в одной категории явления разной процессуальной природы, не устанавливая критериев их разграничения и различий в юридической силе. Третья (Е.В. Сопнева, С.С. Скабелин) признаёт достаточные данные самостоятельной категорией.

В работе обоснована третья позиция в следующей формулировке: достаточные данные представляют собой самостоятельную и более широкую по объёму категорию, охватывающую в том числе сведения, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, но к ним не сводимую.

Методологически некорректно обратное – требование доказательств как обязательного и единственного средства обоснования подозрения. Нормативно эта позиция подтверждается системным толкованием ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 140, ст. 91, 97, 223.1 УПК РФ: ни одна из перечисленных норм наличия полноценных доказательств не требует, законодатель последовательно оперирует категориями «достаточные данные» и «достаточные основания».

Теория аргументации даёт этому разграничению дополнительное обоснование. Достаточные данные относятся к свидетельствам *prima facie*, создающим опровержимую презумпцию причастности, которая сохраняется, пока не будет опровергнута либо пока данные не преобразуются в полноценные доказательства. В категориях классической эпистемологии речь идёт о соотношении *doxa* – обоснованного вероятностного убеждения – и *episteme* как знания достоверного.

Правовые позиции высших судебных инстанций содержат в этой части терминологическую неопределённость: постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 говорят применительно к подозрению о доказательствах. Вероятное объяснение состоит в стремлении исключить произвольность процессуальных решений, однако вопрос о том, не подразумеваются ли под «доказательствами» именно достаточные для обоснования подозрения данные, остаётся открытым и требует законодательного разрешения. Эмпирические данные фиксируют тот же разрыв между нормой и правосознанием: 33,63% опрошенных называют средством доказывания подозрения достаточные доказательства, 34,98% – достаточные данные, около 28% – их сочетание.

Отдельно рассмотрена цифровая трансформация доказывания. Данные геолокации, метаданные электронных коммуникаций, сведения из социальных сетей и облачных хранилищ обладают значительным информационным потенциалом, но их включение в систему средств доказывания подозрения упирается в три проблемы: отсутствие процессуальной формы получения и фиксации, обеспечивающей проверяемость; вторжение в сферу неприкосновенности частной жизни и тайны сообщений, требующее соблюдения соразмерности; техническая сложность, предполагающая привлечение специальных знаний для интерпретации и оценки достоверности.

Второй параграф «Способы доказывания подозрения в уголовном процессе» посвящён процедурно-организационным формам познавательной деятельности. Способы доказывания подозрения обладают процессуально-функциональной дихотомией: они охватывают и регламентированные Кодексом следственные и иные процессуальные действия, и непроцессуальные оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ). Такая дихотомия вытекает из природы подозрения, которое формируется на основе сведений, ещё не достигших статуса доказательств, но процессуально релевантных. Практика с этим согласуется: 54,71% опрошенных относят к способам доказывания подозрения и процессуальные действия, и ОРМ.

Нормативное регулирование дифференцировано по стадиям. На стадии возбуждения уголовного дела перечень допустимых действий закрыт ч. 1 ст. 144 УПК РФ, однако за пределами следственных действий – осмотра, освидетельствования, назначения экспертизы – остальные способы (получение объяснений, истребование документов и предметов, документальные проверки и

реvisions) самостоятельной процессуальной регламентации не имеют. Порядок их производства, гарантии прав лиц, в отношении которых они применяются, и юридическая природа полученных результатов нормативно не определены, что говорит о концептуальной незавершённости стадии. После возбуждения уголовного дела инструментарий расширяется, причём в отдельных нормах законодатель устанавливает не просто допустимые, а процессуально необходимые способы: п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ имплицитно предполагает допрос потерпевших и очевидцев, п. 3 той же части – осмотр места происшествия, обыск, личный обыск и выемку. Без этих действий задержание лишается фактической основы, а значит, способы доказывания подозрения выступают здесь условием правомерности принуждения.

Самостоятельную проблему образует ст. 89 УПК РФ, которая определяет условия использования результатов ОРД в процессе доказывания через требования, предъявляемые к доказательствам, и тем самым оставляет без внимания их полифункциональность: эти результаты процессуально значимы не только как потенциальные доказательства, но и как средство формирования подозрения, определения направления расследования и идентификации субъектов процессуальных действий.

Сравнительно-правовой анализ выявил две модели преодоления этого противоречия. Первая, характерная для стран англо-американской правовой семьи, основана на интегративном «*investigation*», в котором оперативные мероприятия и следственные действия образуют единый гибкий механизм с невысокой степенью формализации. Вторая, воспринятая УПК Республики Казахстан, Украины, Кыргызской Республики и Республики Грузия, инкорпорирует в уголовно-процессуальное законодательство институт негласных (специальных, тайных) следственных действий как процессуально регламентированную форму ОРМ. С учётом континентальной природы российского процесса и развитой системы процессуальных гарантий предпочтительной признана вторая модель. Её реализация предполагает детальную регламентацию оснований и порядка вмешательства, судебный контроль, фиксацию происхождения сведений, правила их хранения и раскрытия стороне защиты, а также действенный механизм обжалования. При соблюдении этих условий нормативная неопределённость статуса ОРМ как способов доказывания подозрения будет устранена без ущерба для конституционных гарантий.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные концептуальные выводы.

В приложениях представлены: Приложение № 1 – проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Приложение № 2 – анкета-интервью для опроса следователей и дознавателей; Приложение № 3 – результаты обобщения анкетирования практических работников органов предварительного расследования; Приложение № 4 – результаты изучения уголовных дел (материалов уголовных дел), рассмотренных судами Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

**Основные положения диссертационного исследования
опубликованы в следующих научных работах автора
(общим объемом – 4,1 п.л., авторский вклад – 4,1 п.л.):**

Статьи в рецензируемых изданиях, содержащихся в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Гаджиев И.А. О возможности признания доказательств основаниями подозрения в российском уголовном процессе // Закон и право. 2023. № 6. С. 197-201 (0,47 п.л.).
2. Гаджиев И.А. О предмете доказывания подозрения // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 255-258 (0,42 п.л.).
3. Гаджиев И.А. Достаточные данные как средства доказывания подозрения в российском уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 253-255 (0,37 п.л.).
4. Гаджиев И.А. Соотношение подозрения с обвинением // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 147-151 (0,5 п.л.).
5. Гаджиев И.А. Проблемы нормативного регулирования подозрения // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 68-72 (0,44 п.л.).
6. Гаджиев И.А. Средства доказывания подозрения в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 167-170 (0,35 п.л.).
7. Гаджиев И.А. Способы доказывания подозрения в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 3. С. 192-197 (0,64 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

8. Гаджиев И.А. Некоторые современные научные подходы к сущности подозрения в отечественной уголовно-процессуальной доктрине // Исследование и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере: сб. ст. XX Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 14 июня 2023 года. СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. С. 210-213 (0,24 п.л.).
9. Гаджиев И.А. Пределы доказывания подозрения в уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. Ч. 2. С.106-110 (0,26 п.л.).
10. Гаджиев И.А. Современные подходы к доказыванию подозрения в уголовном процессе // Современные научные подходы в фундаментальных и прикладных исследованиях: сб. ст. Международной научной конференции, Санкт-Петербург, август 2024 года. СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2024. С. 51-56 (0,41 п.л.).

Г а д ж и е в Ибадулла Абдулаевич

**ДОКАЗЫВАНИЕ ПОДОЗРЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Подписано в печать 12.10.2026. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 1,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5